РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б36

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Jo Beverley
A LADY'S SECRET

Перевод с английского *И. Ермаковой*

Компьютерный дизайн *Э. Кунтыш*

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Jane Rotrosen Agency LLC и Andrew Nurnberg.

Беверли, Джо.

Б36 Тайна леди : [роман] / Джо Беверли; [перевод с английского И. Ермаковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 384 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-136639-1

Беспечный граф Робин Хантерсдаун встречает во французской гостинице монахиню, из уст которой сыплются проклятия. Таинственная незнакомка мгновенно завладевает его вниманием, и он вызывается сопроводить ее из Версаля до самой Англии. Но Петра д'Аверио совсем не монахиня, а леди, оказавшаяся в большой опасности... И надеется найти защиту у своего отца — влиятельного английского лорда, который и понятия не имеет о ее существовании...

Любопытный граф явно не лучший союзник в этом мероприятии, но у Петры нет времени на раздумья — нужно спасаться от преследователей. Она не поддастся на его чары, будет сопротивляться, использовать его и затем сбежит, не раскрыв своей тайны... По крайней мере, таков ее план...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Jo Beverley, 2008
© Перевод. И. Ермакова, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2025

ISBN 978-5-17-136639-1

Глава 1

Июль 1764 года
Гостиница «Голова быка»
Аббевиль, Франция

Нечасто услышишь сыпавшую проклятиями монахиню.

Робин Фицвитри, граф Хантерсдаун, заканчивал есть, сидя за столиком у окна, и поэтому хорошо видел женщину в каретном дворе. Вне всяких сомнений, это была монашка.

Женщина стояла под внешней галереей, из которой можно было пройти к спальням на втором этаже. Простое платье подвязано веревкой, темное покрывало на голове ниспадает на спину. С пояса свисают деревянные четки, на ногах, возможно, сандалии. Она стояла, повернувшись к нему спиной, но он подумал, что она, возможно, молода.

— Maledizione!* — взорвалась она.

Итальянка?

Комок шерсти, прозванный Кокеткой, наконец-то оказался полезным. Папильон поставил лапки на подоконник, чтобы посмотреть, что вызвало такой шум. Пушистый хвост махнул Робина по подбородку, и Робин отклонился вправо.

---

* Проклятье! (*ит.*) — *Здесь и далее примеч. пер.*

Да, определенно монашка. Что, подумал Робин с растущим удовольствием, делает итальянская монашка на севере Франции, поминая дьявола, ни больше ни меньше?

— Итак, сэр, мы едем дальше?

Робин снова повернулся к Пауику, своему средних лет слуге-англичанину, который сидел напротив него за столом рядом с Фонтейном, его молодым камердинером-французом. Пауик был квадратный и обветренный; Фонтейн — худой и бледный. Они были так же не похожи по натуре, как и внешне, но каждый по-своему подходил Робину.

Едем дальше? Ах да, они обсуждали, взять ли здесь комнаты на ночь или поспешить дальше, в Булонь и Англию.

— Сам не знаю, — ответил Робин.

— Только что пробило три, сэр, — попытался убедить графа Пауик. — В это время года до наступления темноты еще предостаточно времени, так что можно ехать.

— Но гроза превратит дороги в месиво! — воскликнул Фонтейн. — Мы можем застрять.

Возможно, Фонтейн прав, но Робин хотел как можно дольше задержаться во Франции. Высоким жалованьем и множеством привилегий Робин уговорил камердинера оставить службу у принца, но даже через три года Фонтейн содрогался от каждого возвращения в Англию. Пауик же, служивший Робину двадцать лет, постоянно ворчал, когда они находились во Франции.

— Подумайте, сколько народу только что приехало, — сказал Пауик, разыгрывая очень сильную карту.

Перегруженный берлин* совсем недавно вкатился, раскачиваясь, во двор, и из него выгрузилась куча ревущих детей, за которыми поспешила пронзительно кричавшая мамаша. Все они протопали вверх по внешней лестнице, а сейчас разгружали их багаж. Они должны были остаться на ночь, дети все еще ревели, а мамаша все так же пронзительно кричала.

Англичане могли пожелать завязать с ним знакомство. Робин был человеком общительным, но тщательно подбирал себе компанию. Грохот и яростный визг должны были все решить, но он снова выглянул наружу. Его матушка часто говорила, что любопытство его погубит, но тут уже ничего не поделаешь. Такова его натура.

— Ты согласна, не так ли? — спросил Робин. Кокетка дернула своими огромными ушами и завиляла пушистым хвостом.

— Согласна, что мы должны уехать? — спросил Пауик.

— Согласна, что мы должны остаться? — спросил Фонтейн.

— Согласна, что нам следует разведать, что там снаружи, — ответил Робин, вставая и поднимая собаку на руки. — Пойду взгляну, что там за погода, и попрошу совета у местных.

С этими словами он направился на улицу, засунув Кокетку в большой карман пальто, где она, по всей видимости, чувствовала себя очень уютно. Робину тоже очень нравилось, как удобно он оделся для этого путешествия, несмотря на то, что теперь в моде были облегающие сюртуки без больших карманов.

---

* Старинный дорожный четырехколесный крытый экипаж.

Робин подошел к молчащей фигуре, обдумывая, на каком языке заговорить. Его итальянский был всего лишь сносным, а вот французский — идеальным, к тому же они были во Франции.

— Могу я помочь вам, сестра? — спросил он по-французски.

Она резко обернулась, и у него перехватило дыхание.

Монахиня оказалась поразительно красива. Тугой белый чепец, который она носила под серым покрывалом, опускался почти до бровей. Узкая полоска ткани доходила до подбородка, где завязывалась, придавая лицу форму сердца. Какой чокнутый епископ придумал этот чепец? Несомненно, никакая мать-настоятельница не сделала бы этого.

Монашка была бледна, что обычно в монастыре, но ее кожа сияла здоровьем. Нос у нее был прямой, с крошечными ямочками над ноздрями, а губы...

Робин вздохнул. Такие губы созданы для поцелуев! Ей было лет двадцать, не больше.

Она сжала губы в тонкую линию.

— Благодарю вас, месье, но мне не нужна помощь. — Монахиня отвернулась.

Хороший французский, но не носителя языка, а ругаются люди обычно на родном языке. Итальянка наверняка. Какого дьявола итальянская монахиня делает на севере Франции, к тому же одна?

Он шагнул туда, где она могла видеть его, изобразив свою самую обезоруживающую улыбку.

— Сестра, у меня нет никаких дурных намерений, но я вряд ли могу игнорировать расстроенную леди, особенно невесту Христову.

Она уже хотела было снова отвернуться, но потом остановилась и внимательно посмотрела ему в лицо. Робин спрятал улыбку. Учитывая проклятия и то, что

он видел здесь, это была не настоящая монахиня, а переодетая авантюристка.

И подумать только, ему совсем недавно было скучно!

— Позвольте представиться, сестра, — произнес он, кланяясь. — Мистер Бончерч, английский джентльмен, к вашим услугам. — Он чувствовал себя немного неловко из-за такой откровенной лжи, но, путешествуя во Франции, обычно пользовался фальшивым именем. Ибо, узнав о его прибытии, местные сановники досаждали ему визитами и приглашениями. А путешествовать под вымышленным именем было весело — своего рода развлечение.

Монахиня продолжала изучать его, как будто что-то обдумывая. Пока она решала, называть ли свое имя, наверху на деревянной галерее послышался топот, и резкий голос прокричал:

— Сестра Иммакулата! Сестра Иммакулата! Где вас черти носят?

— Сестра Иммакулата, я полагаю, — с улыбкой произнес Робин.

Она злобно уставилась на него:

— Сколько еще монахинь может здесь быть?

— И вы прибыли в берлине...

— Сестра Иммакулата! — снова позвали ее.

— Я должна идти.

Он преградил ей путь:

— Вы няня этих детей? Мои соболезнования.

— Я не их няня. — Она подчеркнула это резким жестом, несомненно, соответствующим итальянке. — Их няня в Амьене подхватила малярию, а горничная миледи покинула ее в Дижоне. Так что теперь здесь только я.

— Сестра! Сестра! Идите сюда немедленно!

— Неудивительно, что вы проклинаете судьбу. — Робин показал в сторону ближайшей арки: — Если бы мы прошли туда, нас бы никто не видел и мы могли бы обсудить ваше освобождение из заточения.

— Тут нечего обсуждать. — Она опять попыталась уйти.

И опять он преградил ей путь:

— Разговор никому не повредит.

Она нахмурилась. После еще одного крика она красноречиво воздела руки к небу и поспешила в арку. Робин последовал за ней, восхищаясь ее грациозными движениями.

Ее серое одеяние зацепило увядающую розу, разбросав лепестки, но один остался на нем. Когда Робин снял его, она резко обернулась, чтобы отчитать его, рука поднялась, чтобы указать или ударить. Он показал ей лепесток. Она успокоилась, но он стал распаляться. В своем легчайшем прикосновении он почувствовал трепет осведомленности, и теперь ее щеки порозовели. Никакая она не монахиня.

Он смял лепесток и предложил ей насладиться ароматом, но Кокетка, ревнивое создание, взвизгнула.

Сестра Иммакулата вздрогнула, потом удивленно посмотрела:

— Кто это?

— Кокетка, — ответил он. По-французски это имя означало «маленькая безделушка». — Не обращайте на нее внимания.

Женщина погладила собачку по голове. Робину был знаком этот эффект. Ведь он завел Кокетку, чтобы соблазнить одну даму в Версале, где эта порода была на пике моды. Он достал собачку, готовый использовать все средства.

— Какая хорошенькая!

— Позвольте мне подарить ее вам.

Она отпрянула, нахмурившись.

— Как вы бессердечны!

— Мое жизненное предназначение — исполнять все желания дам. — Он улыбнулся ей. — Идемте в гостиницу, сестра Иммакулата, и вы расскажете мне о вашем предназначении.

Она резко выдохнула. Может быть, он поторопился, зашел слишком далеко? Но еще один крик хозяйки заставил ее повернуться и поспешить в арку. Они оказались в маленьком садике, из которого еще одна дверь вела в фойе гостиницы.

— Слишком публично, — сказал он, касаясь ее руки, чтобы направить ее в пустую гостиную. Она резко пошла вперед, чтобы избежать его прикосновения. Он вошел следом, но не закрыл дверь. Пока. Есть же та старая сказка о принцессе и горошине. Он обычно обнаруживал, что такая чувствительность к его прикосновению указывает на женщину, которая создана для наслаждения.

— Итак, сестра, — мягко произнес он, — ваши желания?

— Как вы смеете так говорить? Вы не выказываете никакого уважения к моему одеянию.

— Это такое унылое платье. Но, — добавил он, подняв руку в знак примирения, — я всего лишь имел в виду ваши пожелания относительно вашей ситуации. Служанка дамы ушла. Нянька ушла. Вы единственная служанка визжащей дамы...

Как он и предполагал, тяжелые шаги простучали по лестнице вниз во внутренний двор, и крики возобновились.

— Ее имя? — спросил он.

— Леди Содуэрт. — Английские слова, произнесенные с легким итальянским акцентом, прозвучали как еще одно проклятие.

Робин не знал такого имени — Содуэрт, а ведь высший свет Британии — это был его мир. Еще одна самозванка?

— Каково конкретно ваше положение при этой леди? — спросил Робин, внимательно глядя на нее.

— Компаньонка. Но теперь она требует, чтобы я делала все.

— И вы терпите эту леди всю дорогу от?..

— Милана.

— Почему?

— Мне необходимо было поехать в Англию, и я нуждалась в спутнице-женщине.

Через открытое окно Робин слышал, как упомянутая леди на ужасном французском распекает конюха.

— Цена кажется слишком высокой.

— Она очень переутомилась.

— Что, как я полагаю, целиком и полностью устроила себе сама. Одного ее голоса достаточно, чтобы распугать даже ангелов.

Еще один всплеск изящных ручек.

— У меня нет выбора. Я должна пойти успокоить ее. — Она направилась к двери.

— Вы едете в Англию?

— Да.

— Могу ли я вас туда отвезти?

— Ни в коем случае!

— Почему?

— Вы мужчина.

— Вполне безопасный мужчина.

Она недоверчиво фыркнула. Но остановилась.

— Но такой мужчина, как я, у которого и без того куча грехов, не может наставить рога самому Господу Богу. Но возможно, спасение одной из его невест сократит на несколько лет мое пребывание в чистилище.

— Вы считаете меня идиоткой, сэр? Вы не из тех мужчин, которым может доверять женщина.

— Напротив, только голодное животное опасно. Я же, сестра Иммакулата, пресыщен версальскими дамами.

От румянца, залившего ее щеки, у Робина закружилась голова.

— Вы остановились здесь на ночь?

— Нет.

Леди Содуэрт находилась сейчас внутри гостиницы, ее голос разрезал воздух, как пила. Наверху что-то разбилось, возможно, окно.

Странствующая монахиня подвинулась, чтобы спрятаться за дверью.

— Вы путешествуете быстро? — прошептала она.

— Так быстро, как позволяет дорога и лошади.

— Вы даете мне слово, сэр, рискуя своей бессмертной душой, что благополучно доставите меня в Лондон?

«Благополучно» — скользкий термин. Робин истолковал его так, как счел нужным.

— Да. — Он улыбнулся. — Как матримониально это прозвучало.

Иммакулата поморщилась.

— Вы красивы и порочны, мистер Бончерч, женщины падают в ваши объятия, как спелые фрукты, но я не упаду. Когда мы приедем в Лондон, не жалуйтесь, что ваша похоть осталась неудовлетворенной.

— А я и не собираюсь, — пообещал он. — Но вы понимаете, что это вызов?

— Но я обречена победить. Как вы сами сказали, вы не можете наставить рога Господу. У вас есть карета?

— Легкий экипаж. Мне нужно только заказать лошадей.

— Великолепно. Но пожалуй, я сяду в ваш экипаж немедленно.

— Ваш талант конспиратора мне по душе, сестра, вы абсолютно правы. Ваша леди Содуэрт вот-вот прикажет обыскать всю гостиницу.

Словно в подтверждение его слов, в комнату заглянул взволнованный хозяин гостиницы. Робин вынул золотую монету — тот увидел ее, кивнул и поспешил дальше. Робин открыл окно и выглянул на улицу.

— Ни души. — Он подвинул к окну стул.

Иммакулата, поколебавшись, быстро шагнула к окну и проворно выбралась наружу, продемонстрировав Робину сандалии и голые лодыжки. Он поставил стул на место и, улыбаясь, последовал за ней.

— Сюда, — сказал он, показывая на задворки гостиницы.

Они вошли во двор недалеко от кареты Робина, которая стояла с опущенной осью в ожидании свежей упряжки лошадей. Он провел авантюристку к карете и помог забраться внутрь. Еще одно прикосновение, и снова трепет. Ее положение в накренившейся карете было неловким, но она справилась.

— Я прикажу подать лошадей.

Иммакулата сжала руки и поднесла их к губам.

— Нет, не могу. Мне нужны мои вещи, мой дорожный сундук.

— Я куплю вам все, что понадобится.

— Я не хочу быть в долгу перед вами.

— Где ваш сундук?

— Он был в багажнике кареты, но его могли занести внутрь.

Робин повернулся к берлину. Багаж был нагружен на крышу большого четырехколесного экипажа, но его явно не трогали. Багажное отделение было открыто и уже наполовину пусто. Пока он смотрел, слуга вышел из гостиницы, взял два узла и понес внутрь. Постельное белье? Робин мог бы сказать леди Содуэрт, что простыни в «Голове быка» чистые и проветренные, но вряд ли она станет его слушать.

— Как выглядит ваш сундук? — спросил Робин.

— Простой деревянный, с черными ремнями. Медная табличка с крестом.

— Я поищу его. Не высовывайтесь.

Он опустил занавеску на окне кареты и стал закрывать дверцу, но тут спохватился, что все еще держит в руках Кокетку, и положил ее на колени монашки.

— Обсуждайте желание, — сказал он и закрыл дверцу. Он огляделся, но не увидел никакой опасности, поэтому пошел к берлину. Там внутри стоял сундучок монашки.

Двое слуг вышли из гостиницы, выгрузили красивый обитый кожей сундук и вдвоем понесли его. Робин решил, что ему все равно нужны его слуги, и пошел в гостиницу, чтобы позвать их. Когда они собрались, он объяснил ситуацию и отдал распоряжения.

Фонтейн — вздыхая, потому что они уезжают, — отправился отвлекать носильщиков, в то время как Пауик, вздыхая из-за новой игры Робина, вытащил сундучок, взгромоздил его на плечо и понес к карете.

Монашка или не монашка, вот в чем вопрос. Это был очень простой, монашеский сундук, но даже если сестра Иммакулата действительно монашка, она все равно замышляет что-то странное. За два дня путе-

шествия он наверняка сможет раскрыть все ее секреты.

Пауик освобождал место в багажнике кареты. Робин повернулся, чтобы сказать Фонтейну, что все чисто.

— Эй, вы там!

Он обернулся и увидел разъяренную женщину. Это должно быть леди Содуэрт. Странно, что такая маленькая, изящная и даже хорошенькая в своей вздорности женщина обладает столь грубым, неприятным голосом.

— Вы не видели здесь монахиню? — спросила она на своем плохом французском, похоже, не узнав в нем джентльмена, тем более англичанина.

Робин удивленно огляделся.

— Здесь, мадам?

— Где-нибудь поблизости, ты, идиот!

Он озорно пожал плечами.

— Если вам нужна монашка, мадам, может быть, вам стоит пойти в монастырь?

— Болван! — бросила она по-английски и умчалась. Робин удивился, что нашелся мужчина, который женился на ней. Он постарался вспомнить, нет ли среди его знакомых лорда Содуэрта, хотя был уверен, что нет. Значит, рыцарь или баронет, наверняка недавно получивший титул. Великолепно. Весьма маловероятно, что Робин снова встретится с леди Содуэрт.

Робин забрал Фонтейна и направился к своей карете, где конюхи под бдительным оком Пауика запрягали лошадей. В юности Пауик был грумом и хорошо знал это ремесло.

Пауик посадил Робина на его первого пони, а потом стал его наставником в верховой езде, охоте, рыбалке и других деревенских занятиях. В конце

концов Пауик стал для Робина кем-то вроде слуги-компаньона. Направив Робина во взрослую жизнь, он, однако, все еще считал, что держит вожжи в своих руках. Даже то, что год назад Робин стал графом, не убедило Пауика, что Робин может сам справляться со своими делами.

— Монахиня едет с нами, сэр? — спросил он неодобрительным тоном.

— Девушка в затруднительном положении. Что бы ты сделал?

— Я, сэр, вернул бы ее хозяйке.

— Я тоже, — сказал Фонтейн. — Экипаж мал для троих.

— Значит, — сказал Робин, — ты поедешь верхом.

Камердинер обычно путешествовал в карете.

— А если пойдет дождь?

— Считай это услугой, которую ты оказываешь мне в благодарность за все те разы, когда я ехал верхом, а ты получал карету в свое полное распоряжение.

— Но ведь не в дождь, сэр... — возразил Фонтейн.

— Сэр... — возразил Пауик по совсем другой причине.

— Я тут сама невинность, — настаивал Робин. — Святой леди нужно добраться до Англии, а вы хотите, чтобы я бросил ее на растерзание этой гарпии?

— Если погода изменится, нам придется провести в дороге много дней... ночей...

— У нее будет отдельная комната, обещаю.

— Погода... — снова попытался Фонтейн.

— Нам нужно доехать только до следующей станции. Что это будет? Монтрё?

— Нувион, — ответил Пауик.

Робин пожал плечами.

— Главное, чтобы мы были подальше от всех этих Содуэртов. Поехали отсюда.